

ПАВЕЛ ЛАВРЁНОВ

КАМЧАТКА: РУССКИЙ КРАЙ

Камчатцев можно определить уже в самолёте: собранные, серьёзные, без размашистых жестов, громкого разговора. Устраивают детей, хозяйственно раскладывают вещи. И в полёте ведут себя без претензий, довольствуются отмерянными авиакомпанией услугами, не теребят стюардессу вопросами. Высчитав время, пробуют заснуть – там, на полуострове, дома, уже глубокая ночь. Лица – обычные русские, но что-то роднит их между собой, какая-то внутренняя собранность, словно они привыкли постоянно выдерживать некие физические и нравственные испытания.

Выйдя из самолёта, мгновенно осознаёшь: серьёзный край. Солнце светит, лето в разгаре, а вулкан, возвышающийся вдали, заснежен от макушки до пят. Об обманчивости тепла предупреждает и воздух, леденящие струнки всегда присутствуют в нём. И какой бы распрекрасной ни была погода, курточка в руке местного жителя – атрибут неперемный. Но бывало и они, опытные, погибали в лесу переменчивым летом от переохлаждения. Столпившиеся за воротами встречающие искренне рады благополучно вернувшимся домой родственникам, друзьям. Подносят цветы, обнимают, целуют, а то и заплачут. Так уже не встречают своих ни в Москве, ни в других городах.

Отдельной группкой стоят таксисты, крепкие, рослые мужики. Солнце недавно начало шпарить, а лица и руки у них загорелые, и не золотистым пляжным загаром, – рабочим, тёмно-коричневым. Стоят спокойно, без надменности или угодливой суеты, тем и вызывают симпатию. Надёжность в них чувствуешь с первого взгляда. Похожи на вальщиков леса. Они и были до шквала приватизации рыбаками, строителями. Маршрут проезда и сколько взять денег обдумывают так же спокойно. Понимают приезжего по одежде, но не хитрят, не жадничают. Ну, а почему так дорого всё же – уясняешь в дороге. И за три цены не возьмёшься везти, и вообще бы не взялся, на остатках асфальта машину убьёшь, на ремонт больше истратишь. И стоимость бензина как нигде высока. Водитель за рулём молчалив, не поторопится удовлетворять любопытство, на некоторые вопросы не ответит и вовсе. Чего язык обивать: “люди чем занимаются?” – ответы известны: “тем же...”. Ни о морских портах с кораблями, ни о вертолётном отряде с полной авиационной инфраструктурой, гостиницах, земельных угодьях не говорит: “перешли в частную собственность”, а – “разокрали, присвоили”. Самое вежливое: “прибрали к рукам”. И нет-нет-нет работы!

Задетый за живое, таксист всё же разговорился: “В селе Пахачи консервный завод – был. В Средних Пахачах оленеводческий совхоз тоже – был, и в Вывенке рыболовецкий колхоз – был... Уехали русские из посёлков пос-

ле 91-го. Если вы здесь не праздным туристом, побывайте в Ключах, городишко у подножия Ключевской сопки – увидите людей жалкое существование. Не будь военной части при полигоне Кура, там бы все вымерли. Военные и государевы служащие живут более-менее, остальные – как выкрутятся”. Прочно отстоялось у мужика убеждение: “Им мало было власть захватить, ещё и структуры жизнеобеспечения порушили. Варвары, настоящие захватчики-варвары! И народу мстят как захватчики! Специально топят в помойной приватизации нас!” С тем выводом и подбадривает себя: “Ничего, зиму пережили извозом, лето тем более переживём, а там сезон начинается, подадимся в бракуши икру шкерить”.

Проехали невзрачный городок, поименник большевика Елизова – утыкан знакомыми серыми домами в пять этажей.

Вышли на главную дорогу к Петропавловску, и простор раскрылся такой, что в малые размеры полуострова и не верится. Это слегка разреженный воздух играет. В нём горизонты удвигаются за край земли, предметы насыщаются ярким глубоким цветом. Природа вокруг богатырски огромна. И как по волшебству выписалась панорама: белоснежные, чуть подсиненные тенями облачков горы, густозелёный лесок, солнечный луг близ дороги, и женщины на покосе! Жнут серпами траву. Одеты в крестьянские сарафаны, длинные юбки, головы повязаны беленькими косынками. И столь неожиданно видеть на фоне заснеженных гор этот труд – простой и исконный, подходящий скорее средней полосе России, что вначале подумалось, уж не фильм ли какой лубочный снимают или забаву туристам придумали? Нет, это монашки режут молодую зелень для живности. Пожилые, руки морщинистые, и серпами орудут не так уж и складно, и сарафаны, юбки, платочки изношенные. Прервуться в работе, поправят серпы оселком и вновь секут зелень согнувшись.

Монастырь беден до крайности, ютится в бывшей воинской части. В коридоре одноэтажной казармы – иконная лавка, здесь же скудный иконостас. Старенькая увечная женщина до копейки выбирает из жестяной банки сдачу. Благодарит за пожертвование, советует, какую иконку купить. О трудностях монастырского быта – ни слова. “Живём с Божьей помощью”. Поразительна черта русских – не жаловаться! И добавила только: “Тепла зимой мало”. Господи! В полуразрушенной казарме – какое тепло?! Щелястый пол, разошедшиеся оконные рамы, скрипучие двери не закрываются плотно. А снега зимой поднаваливает – крыш не видать! Норма – три метра, а то набросает все шесть! В Петропавловске по сугробам в окно чуть не второго этажа заходи! Пробивать дороги в городе помогают военные, а здесь, в закутке, в стороне от города и шоссе?!.. И сила камчатского холода вовсе не добрая. Промерзаешь насквозь и так быстро, что когда спохватываешься, уже и воля подавлена двигаться, и оковевший мозг отказывается соображать. “Благослови, матушка”. – “Езжай с Богом, сынок”.

И напуганное это, и иконка бумажная, и затепленная в монастыре свеча спасут нам потом жизнь. По гравийной дороге на Мутновский вулкан лопнет у служебной машины заднее колесо и потянет не влево – в скальную пропасть, а в правую сторону. Тут же лопнет шина и переднего колеса, завалимся в неглубокой ложбине. Камчатский хирург порадует: “Повезло вам”. “Повезло”, – скажут многие. Изумится автоинспектор: “Как это ездили вы? Посмотрите на шины: резина внутри пожелтела, сгнила, расслоилась!” Главбух компании не поверит, покажет мне документы: “Вот – счёта, месяца не прошло – новую покупали”. А хозяин компании, на кого подрядился работать, закрывая пути серьёзному разговору, заголосит из Швейцарии по телефону трусливо: “Сам виноват! Сам виноват! Я узнавал, узнавал, нельзя по этой дороге на легковой ехать!” Безропотно соглашусь: виноват, вобрал в голову блажь, что с нуворишами какие-то дела делать можно. Повезло, повезло, Богу благодаря, дурь из головы вышибло. Какова приватизация, таковы результаты: на воровские деньги олигарх и собственный бизнес по-воровски слепал. Доходы в несуществующие расходы списывает, даже если это касается жизни людей. Повезло. Спаси Господи.

Не у всех автоаварии здесь оканчиваются малыми жертвами. Безденежье толкает камчатцев искать резину самую недорогую. Какими путями приплывёт этот товар, где хранился и как? – кажется, не знает никто. “Из Японии! Фирменные!” Поди-ка проверь. Сказать о лабораториях качества – не поймут, о чём вообще разговор? Документы в порядке! Ну точно, как и в России

всей — заслониться бумажками. И у местного продавца — долгие холода, влажность от океана, а тёплые сухие склады в городе наперечёт. Машины круглый год во дворах, если завалит снегом, с этих горок потом дети катаются. По весне завели, одобрительно удивились: “Во какие автомобили японцы делают!” По-о-ехали! Искушает и горизонт — это камчатский морок: свободная природа, прозрачный воздух, горы вдаль, пустынная трасса. И с какой скоростью ни езда, а всё, кажется, медленно. В азарте ощутить движение забывается опасность ухабов, а когда возникает перед глазами участок развороченного шоссе или взрывается колесо, тормозить поздно... Молодых ещё и выпивка губит, наркотики.

И другая подстерегает беда, о какой в благополучной жизни не думаешь — м а р о д ё р ы. В нашей аварии нам повезло больше, чем виделось изначально. Скальпированная рана на голове жены, сотрясение. А по удалённости от жилья, отсутствию связи, безлюдью могло развернуться и хуже, не проезжай в ту минуту местные жители. Это, быть может, самое дорогое, чего не забыть, когда на помощь тебе, оглушённому и не вполне соображающему, бегут люди — наши. Женщины дали воду, платки, взялись опекать мальчишку. И такая боль сострадания была в лицах, будто это не мы, а они угодили в беду. Мужчина-водитель повёз нас в ближайший, километров за десять, посёлок, в расчёте найти там медпункт. И гонял ещё раз за нашим парнем. И денег не принял. Так и сказал: “Грех наживаться”. А ведь они по ягоды ехали, объединяясь семьями, чтобы расход на бензин уменьшить. Не спросил я его имени или спросил, да позабыл сразу, но всегда, заходя в храм, ставлю за здоровье его и спутниц свечи.

Небольшой, в болезненной бедности посёлок Геологи. В заполошенной голове запомнилась площадка у магазина, безуспешные поиски медицинского пункта; испугавшаяся вида открытой раны местная жительница, но всё же пересилила себя, села в машину — показать дом престарелых, в нём медик и спасительный телефон. Дежурные няни, звонки в Елизово, мучительное ожидание, безразличные, вялые старики в коридоре — не совсем в себе вроде, тяжёлые запахи человеческих тел, казённой кухни, сырого белья. А машина “скорой помощи” заплутала, поворачивала уже обратно, неизвестны водителю ни дом престарелых, ни деревушка та. Но нам повезло, нашли и в дальнейшей помощи не отказали, не трясли цинично страховую полис, как это теперь часто делается на материке. Молодой хирург — твёрдый, спокойный, сказал в поддержку нужное слово и лоб чисто заштопал.

Перебирая потом по звёнышку наше спасение, убедился: сказочно повезло, нигде и ни разу не упёрлись в корысть, равнодушие, никем оттолкнуты не были. А злосчастный тот медицинский полис всё же был спрошен, но с каким тактом, и как аккуратно состроился разговор! “Вы не помните номер? Нет-нет, это не к спеху! Ничего страшного, если узнать не получится. И без полиса лечение проведём; отчитаться по бумагам сложнее будет, но вы не волнуйтесь, не хуже сделаем всё!” — Та самая, домертва затоптанная в центре России, а здесь сохранённая отзывчивость наших, теплота сердца — природная культура нации. Шведский учёный Стен Бергман, накрутивши по полуострову на собаках в 20-х годах XX века 2 700 км (“почти в два раза больше, чем длина Швеции” — Бергман), с дутым академизмом вывел: “Я считаю, что человек, проживший на Камчатке в течение десяти лет, потерян для цивилизации и не пригоден для упорядоченной работы”¹. Не тронутый в междоусобице гражданской войны “красными”, “белыми”, получавший всюду от жителей помощь, Бергман так и не развидел вполне русских и камчадалов. Той же осталась с тех пор природа, и всё так же шквальными ветрами, морозами, силищей Тихого океана задаёт она образ и движение здешней жизни. Не “вуаль ничегонеделанья, лени и медлительности”², а вдумчивая несуетность, душевная ровность, ясное естество камчатцев. Всем бы такими быть...

...Разделаться с аварией не так просто. Недоверчивый, как и повсеместно у нас, несочувственный милицейский допрос, протоколы, долгий поиск по разрушенным елизовским задворкам эвакуатора. Необходимое возвращение

¹ Стен Бергман. По Дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2000, с. 15–16.

² Там же, с. 15.

к роковому месту. Плавный откос, низинка, журчащий ручей, переломанные ветки кустарника. Глядя на перевернутый кем-то кузов, не сразу понял, что ещё произошло с машиной за то время, как мы из неё выбрались? Сухой, жилистый, дочерна загорелый эвакуаторщик, взяв с крюками подъёмника, без колебаний опознал: “Мародёры”. Сказал это обыденно, как должное, не тратясь на возмущение. Сняты уцелевшие два колеса, выдрано радио. Мародёры шарили по забрызганному свежей кровью салону и собирали, что могли унести. Для удобства грабежа понатужились в несколько пар неслабых рук перевернуть кузов.

Хаживая ежедневно в слепенькую елизовскую больницу, часто был свидетелем привоза изуродованных в автоавариях мужчин, женщин. В воскресные дни и по несколько. Всегда в рабочем настрое, хирург как-то сказал в перекуре: “Когда не привозят – в отделении праздник”. И во всех случаях, если беда настигала людей подалее от города, обязательно хищничали мародёры. Не банда, не сбитая шайка, не уголовники – обычные жители полуострова, те, кто проезжал случайно той же дорогой. Не брезгуя, потрошили окровавленные внутренности машин, ставших, быть может, кому-то гробом. И все ограбленные воспринимали мародёрство как нечто незначущее. Житейская норма!

Нищий быт, безработица, разъединённость.

“Не были люди такими здесь! – Это мне житель Петропавловска в ответ на мои размышления говорит. – До приватизации случая не припомню, чтобы человека на дороге оставили. Узнают, что в пургу мимо проехал – заключают, сживут со свету! А недавно подобрали мы двоих школьников, по морозу в коротеньких юбочках шли. Домой с супругой приехали, разобрали сумку с продуктами, пары бутылок пива нет! Сидели, засранки, на заднем сиденье, носами шмыгали, и на глазах обокрали! Ни молодых, ни старых больше не пожалею! Подышают пусть на обочине!”

Приговор этот смертный, вынесенный нами в большой России друг другу давно, здесь не приемлет ни ум, ни сердце. В божественной чистоте камчатского воздуха как будто очищается и душа. И хотелось бы думать, что случайный тот собеседник – зрелый, интеллигентного вида, сгоряча отрёкся скопом от всех наших, своих. Подвёз же меня вот, правда, за деньги. “И за деньги порой не помогут! – Егерь Александр Иванович, ширококостный, с огромными кулаками, бывший милиционер. К новым нравам отказывается привыкать. – Осенью, на федеральной трассе – ехал из посёлка Мильково (300 км от Петропавловска), стоит семья, машина сломалась, запасное колесо жгут – греются. Ни один большегруз не остановился! Отец семейства и деньгами “голосовал”. Пропылят по грунтовке и не притормозят, а видят – с маленьким ребёнком бедуют. Так бы втроём и погибли от холода”. И всё равно противясь стороннему мнению, потягивает смягчающие резоны нашей самоубийственной разъединённости подыскать, но признать её понуждает и личный опыт. Проезжали и мимо меня. Всеохватный кинжальный ветер, колючий снег, метучее небо. Одет был тепло, а всё равно одеревелен от мороза. Не дождавись автобуса, махал попутным машинам, жестами показывал: замерзаю! “Дворниками” обмахнут стёкла и дальше катят. Слава Богу, не слишком далеко от жилья ушёл, сил хватило вернуться.

...С милицией этой не развожаешься. Непонятная перекидка бумаг от одного чина к другому, и ходишь, ищешь кабинеты по разным углам, ещё и в приемные часы попади, а то нельзя в коридоре стоять, на улице вызова ожидай. Мёртвые лица, чужие. Что в России такими делает их?! Даже камчатская благодать не врачует. Последний в длинной верёвке, молоденький лейтенант ужас как тобой недоволен! И ммуростью детского лба, бурчливостью ломкого голоса, чрезсильной нехотью жестов даёт это понять. Вот-вот осталось ему последнюю точку поставить, и – дружески вдруг улыбнулся: “Продайте документы мне на машину. Три тысячи рублей дам”. Тоже вид мародёрства. И расчёт его верный – угрыз ты в своей беде, сейчас не здесь ты и мысли твои. За так бы документы отдал, да машина служебная. Русский по внешности лейтенант, а *нашим* язык не поворачивается его назвать, как и грабителей на дороге.

“Наша милиция была образцовой, – вспоминают камчатцы, – пока и её ядом наживы не отравили”.

Просторы, просторы – на все концы света. Воля! Но вот на пути к Петропавловску приподнялись вдалеке разрушенные строения – бывшая ферма. Кормила город свежайшим и очень вкусным, наверное, молоком. И ещё одна, четыре стены остались. Животноводческие хозяйства – были. Невыгодно стало молочные продукты на месте производить, а выгодней болтушку из порошка, соевый творог, водянистый кефир из Москвы гнать. И невольно отвлекаешься от окрестных красот, мысли жечь начинают. Невыгодно на Камчатке и свиней держать – мороженое мясо с колбасами сюда тоже из Москвы тащат. А в Москву – из Европы, Латинской Америки! Бизнес: “нефть в обмен на продовольствие”. Хозяйственная гнусь, бесхозяйственное безумие, со всего мира соскребаем себя подкормить. А мясо здесь определённо – лучшее в мире, скотина чистыми травами кормится. Свидетельствую: волшебные травы – мясо волшебного вкуса от них. И, значит, какое должно быть камчатское масло?! Такого масла сливочного я не нашёл. . .

На рынке в Петропавловске ведро картошки парень молодой продаёт, вырастил на шести сотках. И продаёт интересно: возьмёт картофелину из ведра, повертит и нехотя обратно кладёт, как будто ему расставаться с ней жаль. “Рассыпчатая?” – “Картошкой без масла мы её называем”. Купил, проверил и – отроду нежнее картошки не пробовал. Лакомство. Ни молока, ни масла, ничего добавлять не надо, разве крупной соли чуть-чуть. Да, такая сказочная земля.

Или вот мнение противной стороны, если мои радости преувеличенными покажутся: наезжий олигарх свёклу с прилавка хватает, в сидор сует, сопровождающему камчатцу восторг выражает: “Сладкая, без запаха дуста! Ни разу в жизни подобной не ел.” Это он-то, грузенный миллионами долларов, половину времени в европах живущий! Натолкал овощей в чемодан – в логово своё вправду потащит, с женой и приплодом потчеваться. Мешками, ящиками, ведрами еду на Камчатке хапает – десяти видов рыбу, икру, ягоды, огурцы, помидоры, морковь! До прилавка с салом добрался, попробовал и, не отходя, без хлеба есть начал! Да-да, умопомрачительного вкуса и сало здешнее. Украинцы, приезжающие на работу под видом туристов, драгоценными гостинцами камчатское сало домой везут, в холстину бережно уворачивают.

Удержу нет о камчатском сале ещё рассказать: идея навестить жену в елизовскую больничку, ничего не придумал лучше, как купить полкило сала, дух завлёт, и внешне заманчиво выглядит: белоснежное, облеплено лавровыми листиками, чесноком. Принёс, отдал – не знал, будет ли есть. На следующий день встретила меня вопросом: “Сало принёс? – Впервые после аварии повеселела: – Тот кусочек мы сразу съели!” Так и носил на всю палату несколько дней. Это в Елизово, сухой засолки я покупал, а в Петропавловске и в рассоле делают – в руках тает! Без перекупщиков, сами готовят, и сами перед покупателем за свой продукт отвечают, не таясь рецепты расскажут.

Не был я прежде большим поклонником этой старорусской еды, на Камчатке открылась её подлинность. Сравнивал потом с тем, что на материке предлагают, привозили и с Украины нагула “в пять пальцев” – близко до камчатского не дотягивает. Камчатское – эталон. Камчатский воздух, вода, земля – эталонные. А в Москве за рыбные квоты до смерти убиваются! Роман Абрамович проговорился однажды: рыба затрат на воспроизводство не требует – ума и труда, то есть, как они привыкли в России хозяйничать. Что – продукты?! Три метра ростом бурый медведь вырастает, рысь до полутора метров, лось до восьмисот килограммов веса нагуливает! Непомерной силы земля Камчатки. Пощадил нас Господь, слабоумных захватчиков на Россию наслал, иначе б они эту землю горстями ели, до камней бы когтями выскребли.

Но как ни расхваливай качество местных продуктов, а мало их, ничтожные крохи. Там женщина ведёрко помидоров торгует, в тепличке вырастила – крупные, налитые, цвет кожицы овощей повторяет её рук кирпичный загар, у другой – огурцов небольшая горка, крепенькие, тоже тепличные. Не много и картошки по осени, сала того же – по пятку пластин человека три продают. Нерентабельно скотину растить, землю возделывать нерентабельно, хотя горячая вода на обогрев теплиц и коровников дуром из земли бьёт. В городских и сельских магазинах еда привозная – от рыбы и до куриных окорочков, а рыбёшка-то – истощённые тушки чека, перемороженные! И – водка, водка,

водка всех видов. Со всех концов России натащена. Книг в сельских библиотеках столько не наберётся. Батареи бутылок, от пола до потолка прилавки уставлены. Чипсы ещё к пиву есть, стружка из кальмара, рыбные брюшки вяленые, ну и всякие консервы – с материка тоже закинуты. Камчатские овощи, мясомолочное и не ищи. Землю обрабатывать нерентабельно, и много ли, согнувшись в три погибели, корма коровам серпом нажнёшь?

Всё-таки колотятся камчатцы с землёй. Записываются “индивидуальными частными предпринимателями”, арендуют участки. Обихаживают сады в шесть соток, пышно называемые дачами, так же как и на материке, поспевают в выходные дни рассаду высадить, грядки вскопать. И земля отзывается. Такого буйства цветения, роста, плодоношения не встретить в России нигде, даже в благодатном Крыму. В посёлках держат мелкую живность, ту, что могут прокормить, обеспечить теплом. И не высчитывают мелкоторгашески трату собственных сил, а риски потери урожая большие. Вот один парень из Петропавловска взял надел, посеял рожь, но повалил прежде времени снег. По расчёту, покинуть бы урожай, а не бросил на погибель колосья, в одиночку поднимал из-под снега и спас, собрал зерно, высушил. Или всё в той же елизаветинской больнице: женщина с переломанным в аварии тазом, мать двоих детей, муж в океане на рыбалке пропал – переживает, да не о здоровье своём: с картошкой что будет теперь, выкопает некому. Ей урожай жалко. И не ругает, не клянёт никого, обдумывает: с чем в зиму семья останется; ещё и за аренду земли платить, и ссуду на семена брала, с процентами отдавать.

По логике – за рыбу здесь цепляться должны, так нет же, землю хотят обрабатывать! Руки к земле лежат! Дайте землю! Не на кабальных условиях! Вот она, выжившая, не сломленная тяга к исконному своему труду. Отдайте русскую землю русским!

...Эту многострадальную камчатскую рыбу я ни в одном здешнем магазинчике не нашёл, ни сельском, ни городском. В Петропавловске единый закуток выведаль, так рыба в нём дорогая, и заваль какая-то. И на заброшенном причале разок видел, выгружали с небольшого кораблика мороженую горбушу – сплюснутая, кривая, грязная, стиснутая в брикеты. А живая рыба под боком! Небольшая речушка Авача на окраине Елизово, прозрачная чистой воды. Упругое ровное течение мягко окатывает прибрежные камни. Здесь бы тебе и рыбалка домашняя, и семейный отдых на берегу. Горожане и отдыхают – стоят на мосту, смотрят в воду, как рыба идёт. Нескончаемы косяки. В иных местах в два слоя валит. Рыбины с боками пока ещё толстыми, только что из океана в реку вошли. Длинные широкие спины, тёмно-серые, темнее осенней воды. Идут и идут по течению вверх на нерест. Иногда всплывают в глубине. Увидав сверканье чешуи, мужики переговариваются: “Серебро”. Это высшая похвала зрелой нагулянной рыбе. Эх, сейчас бы одну такую красавицу на руки взять, гибкое сильное тело ладонями ощутить! Она свежестью, чистотой пахнет! Нельзя, рыбнадзор на берегу караулит, специально приехали, за людьми следят. Правильно вроде, пусть роженицы вглубь Камчатки подалее уйдут. Было бы правильно, если бы знали о тысячах, десятках, сотнях тысяч тонн нашей рыбы, отдаваемой в соседние страны! Камчатцы знают об этом, у кого родня, у кого знакомые на рыбалку в океан ходят, вдоволь порассказывали о кощунстве. Дети сизмала о преступном промысле знают. В новостях позорные скандалы настраили!

Такой бы рыбы каждому жителю России хотя бы грамм по пятьсот в неделю съедать, и продолжительность жизни многократно умножится! Во всех видах камчатская рыба полезна, и чем проще готовишь её, тем лучше. Вот так, например: в кипящую воду опускаешь небольшие куски, – провариваются моментально, вынул, посолил и никаких специй, приправ! Насыщенный, естественный вкус, тонкий, живой аромат. А детям рыбные ёжики нравятся, вот бы их на материке все наши тоже попробовали. Простейшее приготовление: красная рыба (свежая) режется вместе с кожей и чешуёй на небольшие кусочки, смешивается с сырым яйцом, посолить и ложкой выкладывать на сковородку, навряд оладьев. Ёжики мгновенно изжариваются. Вкус! – за уши не оттащишь, язык проглотишь и ум отъешь. Любая красная рыба подходит. Голова, хвост, плавники, хребет – уха минутного приготовления. И тоже просто: загрузил рыбные остатки в кастрюлю, положил очищенную картошку, морковь, луковицу, лавровый листик, соль, чёрный перец. Картошка сварилась – готова уха. Жаль, нигде больше в России рыбы такой не найдёшь. О чешуе я

специально сказал, по материковой необразованности пытался счищать её, не знал, что и она съедобная. Спрашивал местных, понять не могли, зачем красную рыбу чистить? В ухе, жарке, парке *серебро* полностью растворяется, в пищу входит. А европейцы и американцы, приезжающие попутешествовать, вовсе безграмотны. Придя впервые на рынок, рыбу в руки бояться брать: “Вредная для здоровья – крашеная!” По их знаниям не бывает природная рыба ярко-красного цвета. И никакими доводами не убедить, пока на рыбалке не побывают. С иностранцами, к слову сказать, приключается и такое: в обморок едва не падают, когда проводник воду для ухи в реке черпает. А расчувствуют речную воду, встают по течению – пьют, умываются. Сказочный край, слово в слово можно Стеллера через четверть тысячелетия повторить: “лёгкая и чистая вода”, Бергмана через век – “наивкуснейшая вода” – это в ручьях, реках. Но и водопровод её не испортил, из-под крана по сей день с удовольствием пьёшь, хотя в водопроводной железе избыток, посуда краснеет.

Стоят камчатские мужики, в реку смотрят, мимо их рта *серебро* плывёт. Они тоже теперь за рыбалку платить обязаны – покупать лицензию. И забирать домой всего один хвост, остальную рыбу назад в реку выпустить. Рыбалка к спорту причислена. И тоже вроде бы правильно – разумное сбережение, если б не знать, как там, в глубине полуострова давно уже бракуши по берегам сидят, икру шкертят. Не сами по себе браконьерят, у всех покровители от милиции, ФСБ, военных – “крыши”. Бракуши *серебро* не берут, вспарывают самочкам животы, вынимают икру, туши выбрасывают. Рыба им *нерентабельна*.

Не за это ли сменщики советской власти кляли её, рассказывая о злодеях-колхозниках, бросавших пустую рыбу по берегам гнить?! Социалистические экономисты отбрёхивались: реки на Дальнем Востоке в труднодоступных местах, *нерентабельно* улов вывозить. Уничтожили зловредные рыболовецкие колхозы, как тот, в древнем посёлке Вывенка, и – была *нерентабельность* преступлением государственным, стала преступлением частных предпринимателей под “крышами” государственных служб, ещё и с участием бандитов, конечно. А единственный на полуострове вертолётный отряд присвоен двумя дельцами, по закону приватизации присвоен, и цена у них за один час полёта аховая! Никаким *серебром* не окупить. Впрочем, придумал же грамотей Абрамович – *рыба вложений не требует*, то есть с такого конца теперь понимать: незачем доставкой голову заморачивать и руки на переработке пачкать.

... Стоят мужики, в воду своей Авачи смотрят, не разуверить их, что не насильники над камчатской природой во власти сидят, и уничтожение структур жизнеобеспечения не специально содеяно. Три грузопассажирских порта в Петропавловске – на ладан дышат, рыболовецкий флот разворован ещё в 90-х, приписка кораблям сменена, под иностранными флагами ходят, рыба на сторону продаётся, доходы на зарубежных счетах оседают. Весь Дальний Восток этим разором охвачен. И браконьеры – не те, кто по найму икру “шкертит”, эти за копейки батрачат, в шалашах во все погоды на холодных речках живут, комарьё, мошку собой кормят, – а кто под “крышами” икру тоннами на материк гонит.

... А мужики стоят – денег на лицензию нет, и заработать негде. Можно бригаду сбить, уйти в глубь полуострова и тоже браконьерством заняться. Но если поймают, никто без “крыши” за них не заступится, штрафом обложат или посадят, как сажают на материке за полмешка окуньков, выловленных самодельной нитяной мордой. Лицемерное, отталкивающее жизнеустройство. Стоят мужики, нет работы, земли нет, и рыбалка домашняя отнята. Впереди северная зима, непомерные коммунальные платежи (вдвое выше московских!), налоги. До подобного способа очищения дальневосточных земель от русских людей ни одна власть за всю историю России не додумывалась. И с иным пониманием вспомнишь “вуаль ничегонеделанья”, “лень и медлительность” Бергмана – как же сытно и обеспечено, даже в гражданскую войну, жили здесь, если могли позволить себе неспешность, размеренность быта?!

Дети ловчее всех к двуличию приспособились. Вот и сейчас, пока родители в тёмную воду смотрят, они пропитание добывают. Вверх по течению, немного повыше моста река изгибается, уходит в сторону от домов. Здесь и берега поположе, и света больше, вода на каменистых отмелях в лучах солнца блестит. Рыбнадзор не приходит сюда, слишком мелко, чтобы браконьеры сети поставили. А детям раздолье. С того берега, если увидят, они

в лесок убегут. Но всё равно опасаются, по сторонам глядят. У них – браконьерство простецкое: длинный горбыль, к нему привязана верёвка, алюминиевая ложка вместо блесны, крючок. Забрасывают уду и на себя тащат. Жаль, с низкого берега не видать, когда косяки идут. И горбыль слишком тяжёлый, двумя руками приходится изо всех сил волочить. Но не такая это долгая маята, раз на пятый обязательно какая-нибудь рыбина ложку схватит. Золотая пора для рыбалки – безветрие, реки не засорены опавшей листвой, рыба разноцветные листья с наживкой не путает, да и сила в ней играет пока ещё, это потом она начнёт усыхать, серебро пойдёт пятнами, потускнеет, отменет, наконец, икру и умрёт на Камчатке. У мальчишек с рыбалкой всё же не очень ладится, умаялись верёвку забрасывать, бегать по берегу, удило тянуть. А вот и поймали! Ого, да чуть ли не кит! Бурунит рыба воду, похрюкивает, еле вытащили из реки. Отцепили крючок, смотали верёвку, палку бросили. Подхватили под жабры с двух сторон и бегом понесли. Здоровая рыба, килограммов шесть-семь, чистое серебро, мальчишек по ногам хвостом хлещет, словно подгоняет бежать быстрее. Домой понесли или на улице продадут, рублей пятьдесят выручат, еду себе купят.

В году 2005-м, летя на Камчатку бессчётный раз, разговорился с женщиной в самолёте. Оказалось, живёт и работает там, служит в системе исполнения наказаний. О преступности сказала бесстрастно, словно патологоанатом, определивший заблуждение, повлекшее смерть: “Осужденных у нас не вывозят, оставляют отбывать срока на полуострове. Много осужденных за воровство, есть *малолетки*. Воруя в своих же посёлках от простого желания поесть. Мотавшие срока – в каждом посёлке, и постепенно число мотавших увеличивается. Количество больных туберкулёзом растёт. Посёлки превращаются в *спецпоселения*, естественным, так сказать, путём”.

Покачнёшься от мысли: не чиновники, помогшие присвоить рыболовецкие корабли и вытолкнувшие флот в оффшоры, не министры и депутаты, создавшие условия невозможности сдавать в Россию обильнейшие морепродукты, не “собственники” портов с их заоблачными тарифами, а вогнанные в нищету камчатцы – преступники! оголодавшие дети – государству враги! В который раз смыслы в русской истории подло вывернуты и опасужена жизнь. Я видел тех – *отмотавших*, вдали от Петропавловска, в глуби Камчатки видел, брались работу сделать, траншею киркой и ломами копать – парни лет двадцати пяти. У них сил нет! Они мускулами, телами худые! До среднего роста едва доросли! А походка, жесты, выражение лиц – блатные. Так и не смогли осилить работу, выпросили аванс и сбежали. И нищих детей видел – в посёлке Атласово, пугливые, боялись к вертолёту подойти. Поздняя осень была, заморозки начались, одеты в китайское, самое дешёвенькое синтетическое трико, такие же тонкие курточки, в летних тапочках. Щуплые, руки в цыпках, личики грязненькие. Рассказал об увиденном в Петропавловске, местные утешили, ободрили: “В Атласово жизнь сносной считается. Есть посёлки, где много хуже: село **Майское** – страшнее всего; посёлки **Октябрьский, Озерновский** – в рыбный сезон чуть оживают; посёлок **Лазо, Ключи**...”.

Эти **Ключи**, что рядом с полигоном Кура – безжалостной бомбардировки картина, словно не на полигон, а на дома швыряли с материка боезаряды. Таких декораций о конце света ни один режиссёр не сочинит, здесь сама История человечества завершилась: разрушенные здания, обломки станков, разграбленные конторы, остовы механизмов, старая древесина разбросана по речным берегам. А был, совсем недавно был леспромхоз. И в 20-е годы XX века: “важнейший торговый центр внутри полуострова. Здесь базируется торговля пушниной всей долины реки Камчатки”¹. “Ключи очень красиво расположены у подножия вулкана. За деревней река Камчатка течёт без ледяного покрова круглый год. Так что можно рыбачить всю зиму”². И если бы, если бы только камчатские поселения, – **Магаданский край, Северо-Эвенск**, – бедствие, быть может, и худшее. Хотя некуда хуже... А мы гуманитарную помощь по всему миру тоннами гоним! Сокрушаемся о тех, кто за границами нашего государства на доллар с небольшим в день живёт! Далёким от нас народам миллиардные прощаем долги! В не-

¹ Стен Бергман. По Дикой Камчатке. Петропавловск–Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2000, с. 55.

² Там же, с. 55.

востях победно о том рассказываем! Вот же они, наши, крайне – уже и за край – в одежде, еде, жилищах нуждаются! Нечеловечески нищее, жалкое существование. Никогда, ни при какой власти, за всю истории России так плохо не жили здесь.

О жизни полуострова в тяжкие годы братоубийственной гражданской войны Стен Бергман и такое знание (как специально сравнить) оставил на память: “Если ламуты живут вблизи от какого-нибудь богатого коряка, у которого может быть от 4000 до 5000 животных, то ламуты обычно предпочитают ездить к нему, чтобы выклянчить несколько оленей. И вежливые коряки, которые, конечно, немного гордятся своим богатством, выходят и ловят столько, сколько ламуты желают. Всё это происходит в дружеской форме, и ламуты, вероятно, совершают ответные услуги корякам... Но коряки часто говорили мне после таких визитов за мясом: “Да эти ламуты – негодники, всю зиму беспрерывно ездят к нам за оленьей. Они не хотят резать ни одного из собственных оленей только потому, что мы даём им то, в чём они нуждаются. Следовало бы не давать им ни одного оленя. Ведь они могли бы получше заботиться о своих собственных, вместо того, чтобы бегать вокруг, охотясь на соболей”. Но в следующий раз, когда появляются ламуты, их гостеприимно принимают, угощают чаем и мясом, и обратно ламуты едут с нартами, нагруженными оленьей. Ламуты объяснили мне ситуацию так: “У этих грязных коряк столько оленей, что надо быть дураком, чтобы зарезать какого-нибудь из собственных”¹.

В этой записи с привкусом зубоскальства не “нечистые” или “чистые” занимательны – изобилие камчатских продуктов, свободная жизнь, открытая щедрость наших важны! Физическим, душевным здоровьем край избывал. И в XVIII веке: “Как русские, так и ительмены достигают довольно значительного, а многие из них даже весьма преклонного возраста; при этом они вполне сохраняют свои силы и постоянно делают свою работу и сберегают зубы свои такими же здоровыми и целыми, какими они были у них в среднем возрасте”². – И туберкулёза в отсталом веке не знали! – “Чухотки и лёгочных гемифитических заболеваний я там никогда не встречал. ... Об эпидемических и о заразных болезнях там никто не имеет ни малейшего понятия, хотя летом по всей стране разносится отвратительное зловоние от бесчисленного количества дохлой рыбы, повсюду покрывающей берега рек. Несомненно, сильные и постоянные ветры, равно как прохладный воздух, препятствуют заражению его плохими элементами брожения, которые не могут в нём держаться”³. А народу на полуострове, что тогда, то и сейчас – щепоть живёт!

Люди порты построили, заводы, города, военные базы, инфраструктуру жизнеобеспечения создали. В 91-м открыли Камчатку для свободного посещения. Раскрепостили? Обокрали приватизацией! И деньги, что камчатцы всю жизнь копили, зазванцы в свободу рынка до грошей обесценили. Многие жители сбережения свои держали на сберкнижках в Москве. Планировали на материк в старости перебраться, совсем не то нынче здоровье у стариков. Заперты, в домах престарелых теперь заперты, как в том малоизвестном посёлке Геологи. И толики имущества, что они создавали здесь, у них нет! Ограбили и рассовали по медвежьим углам. Господи, дай старикам нашим сил.

Всем сердцем жаждешь с Камчатки добрых известий, а напарываешься на статью “Камчатский ГУЛАГ”: “С начала года в местной ИК-6 скончались семь осужденных. В зоне, изначально рассчитанной на 300 заключённых, сидят более полутора тысяч... ..В ИК-6 полно ранее не судимых работающих молодых людей... в одном помещении с больными туберкулёзом. ...не исправление, а уничтожение “контингента”. ...Неадекватно жестокая расправа над собственным населением...”⁴.

¹ Бергман Стен. По Дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2000, с. 109.

² Стеллер Георг Вильгельм. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1999, с. 56.

³ Там же, с. 56.

⁴ Терентьев Д. “Камчатский ГУЛАГ”, “Аргументы недели”, 20.10.10.

На подступах к Петропавловску грудятся старосоветские технические сооружения, протянутые поверху трубы. А вот и жилые дома, такие же, что на Урале, в Сибири, словно с материка не уезжал. Безликость коробок, на фасадах наляпы вывесок магазинчиков, переделанных из квартир первых этажей. Газоны без травы, грязца, помойные баки с горами мусора.

Комсомольская площадь с боевым танком на пьедестале, съезд с холма, и вот он – берег Великого океана! Далеко-далеко вдаль вошли глубоко в Океан горы. Гигантская бухта – Авачинская, а без единого корабля. Тёмная прозрачная вода, живой берег, необходимый природный мусорок на вулканическом чёрном песке. Набрать в ладони тихоокеанской водички, поднести к лицу и – отпрянуть! Вода соляной воняет, масляная плёнка руки покрыла, кожу зудом дерёт. И воздух на берегу нечист, автомобильные выхлопы со всего города сползают сюда, стелются по побережью.

Вправо уйти, что за сопками находится, посмотреть – и душой опадёшь: облезлые дома, разбитый асфальт, по всей земле мусор. Трущобы! Испарилась краса Камчатки! Ржавые железные двери домов выворочены, словно танками кто штурмовал (в закрытых городах, слава Богу, получше. О том военгородке, что рядом с полигоном Кура, камчатцы с завистью говорят: там чистенько, дорожки, девушки в туфельках ходят).

И влево, вдоль побережья – скромненький памятник защитникам полуострова, несколько стволиков старинных пушек, два деревянных домика с крошечным музеем в одном из них – вот и все радости знаменитого города на краю нашей земли.

Гаже всего морские ворота выглядят – порты, частная собственность, а ими будто иноземные вороги овладели, взяли камчатские врата приступом и разрушили мстительно. Труды поколений, крайние силы русских людей, от всей страны огромные деньги – в бездну ухнуты! Морской вокзал: часть имущества в металлолом продана, остальное, за ненадобностью, брошено. Ветра, плетевые, со снегом дожди доразрушили здания, инфраструктуру, в конце концов, полностью вокзал снесли. Пустырь. Чуть лучше соседний торговый порт, но и в нём со дня приватизации ни одного кирпича не положено, ни один механизм на причале не обновлён. Сокращается год от году оборот грузов, и рабочие места сокращаются. Собственнику печали в том нет! Он с местных бизнесменов деньги качает, что подержанные японские автомобили сюда на продажу везут. Они и рады объехать его, да других приспособленных мест для выгрузки нет. Собственник этим пользуется, как паук из своих жертв соки сосёт. Не эмоциональный захлёт, холодная ясность: какими же скудоумцами там, в Москве, надо быть, чтобы стратегические объекты на рубежах России в кривые руки впихнуть?!

Неприглядна картина русского побережья. Но больше всего ударило, так что сперва глазам не поверил – вылезшие из теплотрассы бездомные мужики. Захолонёшь, воздухом свежим подавишься – как они выживают здесь?! Лето в разгаре, но с океана холодным ветром несёт, а зимой, кроме как в доме, от пурги и морозов не спрячешься. Славнейший город России, в красивейшем месте земли, никем никогда в нашей истории не завоёванный! Не было тунядцев на полуострове, невозможно здесь бездейственным прожить, и в советское время специалистов исключительно вербовали. А в XXI веке русские на своей земле без дома остались! Ах вы, приватизаторы преступные со всеми вашими криминальными законами об имуществе, о жилье! По всей России, из края в край злую память о себе вбили. А мы гуманитарную помощь по всему миру гоним, миллиардные прощаем долги!

Мужики, эти двое, что из подземелья вылезли, по деревянной лестнице на холм к магазину пошли. В зимних пальто, рваные, грязные, ботинки на голых ногах без шнурков. Лица в синяках, язвенных ранах – жутко смотреть. Кем были они? – моряками? на судоремонтном заводе рабочими? докерами в порту? И чьими махинациями жилья лишились? Не пустили в магазин бездомных, чтобы покупателей не отпугивали. И с крыльца гонят, не дают в дверях побираться. Некуда деться, вокруг холодное море, погубительные леса. И в дом престарелых по возрасту не возьмут, лет сорок пять нищим. Сгиньте, русские, на прибрежных валунах своего Великого океана! Это район Завойко – имя командира порта, героя обороны города в 1854 году. Непрестижным

район считается, здесь самые простые люди живут. И дома неприглядные, в некоторых подъездах двери выломаны, ветер по этажам гуляет, дожди со снегом вовнутрь льют. Отстояли предки землю от англо-французских колонизаторов, не дали себя в кандалы заковать (буквально). В клятое советское время строились, а в нынешнее, сладко-свободное – в рабских хижинах доживают. Привыкли или смирились? В любом случае местным властям – стыд и позор. Безразличие к бездомным – преступно! В съёженном, убывающем нашем народе каждый человек обязан быть у властей на драгоценном счету!

Ушли бездомные, поковыляли по шаткой лестнице ещё выше на холм, поближе к жилью. А встречно им (не сочинишь нарочно) из грязного подъезда молодые парни выходят, азербайджанцы по внешности, и приехали на Камчатку, видать, не очень давно, в курточках, обуви – не с того рынка, где местные одежду берут. Сбежали вниз по подгнившим ступеням, к автобусной остановке направились, в центр города ехать. Безразличны им и эти сломленные, опустившиеся мужики, и разбитый дом, где они владеют квартирой, и грязный мусор вокруг. Зачем они на Камчатку приехали? Делать что будут здесь? Не коров же и свиней разводить?! Не землю нашу возделывать? Не грибы-ягоды в лесах собирать и перерабатывать или рыбу, сало солить? И в море не пойдут на рыбалку. Антисанитарные шашлычки будут плодить, торговые точки на местном базарчике контролировать. Не дай Бог, наркотиками ещё заниматься! Камчатка – край военных, милиции, ФСБ, на выходе из самолёта паспорта проверяют. Широко-щедрая у России душа, да не для своих только.

Всё хорошее, что происходит на материке, медленно сюда достигает, иногда не доходит вообще. Всё плохое – мгновенно. В Москве и других городах занятие продовольствием, торговлю у русских давно отняли, и здесь нашествие этих чужих торгашей началось. В Елизово всплыли чёрные, в восточных одеждах толстые бабы, натащили тюки с низкокачественным тряпьем. Уверенно места себе отвоёвывают. Китайцы в Петропавловск насачиваются, в помещениях тёпловы сидят и тоже бросовый ширпотреб неизвестного происхождения расторгивают. Вдоль дорог нечистые шашлычки цветут. Этих ли сомнительных дельцов у нас привечать? Им ли предоставлять право на нашей земле разворачиваться? Ни один, похоже, облечённый властью, не задумывается: никто и никогда из тех чужестранцев не будет добросовестно трудиться на русской земле. Никто и никогда из них, свою-то землю покинувших, здесь сердце в работу не вложит. Наши – не за доходы одни работают, в своём доме живут – России. И хотя, очень хотят умеющие свои руки на благо людей приложить.

Вот **Игорь Владимирович Пинтусов** – сочетает умение “в поле” на костре сделать еду, и так же хорошо за плитой отстоять. Это редкий в кулинарном деле талант, обычно что-нибудь одно получается. От “высокой” кухни и до производственных, “столовских” обедов – качество блюд безупречное. И золотых, серебряных медалей, кубков, наградных листов у него – не всякий чемпион в спорте похвастает, сколько этот мастер в международных и российских кулинарных соревнованиях взял.

Такой вот изыск от него: корюшка, жаренная на морозе. Ему самому это нравится, о способе готовки он так говорит: “Корюшку на морозе готовить одно удовольствие, рыбу потрошить не нужно. Главное, чтобы печь была бензиновая, газ мерзнет и не дает нужной температуры. На хорошо разогретую чугунную сковороду маслица подсолнечного налить, накалить. Рыбку посолить крупной солью и выложить на сковороду, пожарить, перевернуть вовремя, получается замечательная, золотистая корочка. И, обжигаясь, кушать руками это нежное, чуть сладковатое лакомство”. Прелесть пиршества в том, что готовится рыбка на воздухе, на снегу. Вокруг заснеженный лес, под ногами замёрзшая речка, вдали свободный всегда океан. Корюшка вынута здесь же, из-под толстого льда, и морозом мгновенно схватывается. Чистенькая, бока с брюшком светлые, спинка в патинированном серебре. Ничем к ней касаться не надо, просто на раскалённую сковородку целенькой класть. Снизу уже изжарилась, а сверху ледок подпекает, изморозь. Переворачивать поспешай.

Неубывающее, живительное чувство русской природы, и свобода, душевная свобода в ней. Ясное небо, снега-снега, коричневый лес, солнце. Часами нагишом по пояс ходим, а мороза не чувствуем, словно в чистейшем воздухе его вовсе нет. Огонёк печурки под открытым небом горит, корюшка

на морозе жарится. Быть может, потому здесь наши такие внутренне независимые, что напитки природой своей. Не устаёшь в общении с ними, не обируют душевно, физически.

Каким бы ни был искусным мастером Игорь Владимирович, – кухни, кафе, простой столовой в собственности не имеет (тот самый, лелеемый средний и малый бизнес). А талантами он многими наделён, оформить помещение своими руками не хуже дизайнеров сообразит. И во всякой работе его порядок всегда изумителен, ему качество важно. Из его рук без сомнения еду берёшь. Русский мастер плохо не делает. Но собственного производственного помещения, чтобы умения сполна раскрыть – нет у него! Идёт в услужение или в аренду квадратные метры берёт, а выкинуть со всем скарбом на улицу могут в любой день, когда собственнику заблагорассудится. На материке такая же кабала. Во всей России рабочие руки кандалами скованы. Заранее, от начала приватизации ярмо на шею навешено.

Александр Владимирович Старовойтов. Родился на материке, в Ярославле. Его родители приехали на Камчатку в 80-х, работали на судоремонтном заводе (приватизация убила завод). Чтобы не распинаться о внешности Александра, надо представить Илью Муромца с картины Васнецова. И чертами лица с нашим былинным богатырём схож. Бог Сашу любит, поэтому часть зрения забрал у него, чтобы он на зверей не охотился, зато острее в его глазах светится его ум. И душой лёгкий, вовсе с унынием не знаком, в разговоре ненатужным юмором блещет. Но без всякого юмора говорит о себе: “Я – батрак”. Негде применить на Камчатке его экономическое образование и свободное владение иностранным языком. На свой бизнес денег нет, работает, как большинство наших, по найму. Саша сердцем понимает Камчатку, взял в аренду угожья. Но не для охоты, рыбалки или иную выгоду из земли извлекать, а чтобы в первозданной чистоте её сохранить. Из тех денег, какие батрачеством зарабатывает, платит налог за угожья, на снегоходную технику пытается накопить, чтобы зимой, когда следы живности на снегу видны, учитывать её. А ещё надо: тёплую избушку поставить, егерей нанять для охраны лесов от пожаров, браконьерской порубки, зарплату егерям платить, рацией (спутниковая связь мало кому по карману), снегоходами, топливом обеспечить. На всё это, по найму, не заработаешь, и Александр управляется в одиночку. И как все русские, не жалуется, не просит, ни от кого не ждёт помощи. Наряду с трезвым пониманием жизни сохранил душевную непосредственность. На рыбалке возьмёт в руки гольца и корит его, выговаривает, как будто рыбёшка величайшее преступление в мире творит: “Ух, хищник, икрой благородных лососёвых питаешься!” Нелюбовь к гольцу у него искренняя: “Сколько раз на нерестовой яме наблюдал – гольцы стаей окружают кижуча, как акулы кита, и какой-нибудь самый наглый из них разгоняется и бьёт в брюхо самки, икра выпадает, и они скопом набрасываются, пожирают будущее потомство”.

Александр, как Илья Муромец, набирается силы от земли своей, у родных властей арендованной. И лишь в одном желании вслух признаётся: “Поработать бы мне с Владимиром Николаевичем Гордиенко, опыта, знаний перенять от него”.

Владимир Николаевич Гордиенко действительно специалист редкостный. На серьёзный разговор, работу – отзывчивый, но впусе слова не произнесёт, тщательно мысли обдумывает. Знаний о камчатской фауне у него – на солидную книгу потянет. Он и написал исследование о здешнем буром медведе, жаль, издали тощенько, сколько “Всемирный фонд дикой природы” совместно с ООН финансово потянули. Тиражик-то – 500 штук!¹ Камчатцы мало кто читали её, а уж на материке эту книгу и вовсе в глаза не видели. Вот так нам знания о наших богатствах нужны.

Правительственным чиновникам и олигархам – нужны, сказочных трёхметровых медведей для напольных ковров отстреливают. Лапы рубят, едят. Сваренные медвежьи лапы на человечьи руки похожи. И залётным армянам русский край интересен, вольных кречетов ловят, арабам за рубеж продают. В 2010 году попались преступники, каждый год попадают, да, к сожалению, далеко не все.

¹ Гордиенко В. Н., Гордиенко Т. А. Бурый медведь Камчатки: краткое практическое пособие по экологии и предотвращению конфликтов. Петропавловск-Камчатский. ООО “Камчатпресс”, 2005.

Рассказчик Владимир Николаевич удивительный, о природе полуострова, птицах, повадках зверей бесконечно рассказывать может. Бесплатно знаниями делится, и книгу свою о медведях бесплатно “Всемирному фонду” отдал. На Камчатку в 1986 году, по окончании Иркутского сельхозинститута приехал и даже в тяжкие 90-е о выборе не пожалел. “Для охотоведческой науки, – как он сам говорит, – здесь рай на земле. Теоретические знания нацело с практикой соединяешь”. Михаила Александровича Останина, своего учителя, примером перед собой держит: “Человек природу края обогатил, лосей в 70-е годы на Камчатку завёз. Занимался ими годы и годы и привил зверя на здешней земле. Материковых сородичей размерами переросли, лопаты рогов – два метра в размахе, розетка (основание рогов) с хорошее блюдце”.

Чиновники с олигархами теперь на лосей охотятся. Мясо съедают, губа и язык – отдельный деликатес, рога возят по международным выставкам, золотые медали и денежные премии за них берут.

А камчатским снежным бараном охотовед нескрывая восхищается: “По отвесным скалам способен спуститься. Рогами ударяется в прыжке о скалу, отскакивает и бьёт задними копытцами в противоположную стену. Как мячик от стены к стене скачет. Наш снежный баран – эндемик, и питается исключительно эндемичной травой. Одно из самых здоровых и сильных созданий на нашей земле. В лютые морозы, в многоснежную пургу высоко в горах выживает”.

Начальники супчик из снежного барана любят, тёплую печень, истекающую кровью, в сыром виде ритуально едят. Голову с витыми рогами на стену в особняках приколачивают.

Жизни своей не помыслит Владимир Николаевич без Камчатки, как и все наши, вроднён в неё, один из некорыстных оберегателей русского края. Храни Бог и его.

Лилия Анатольевна Коваленкова – обычная жительница полуострова, а залюбуешься человеком. У Лилии Анатольевны есть хозяйство – счастливое исключение.

В 90-е годы, когда московская власть обязала местную срочно приватизировать активы Камчатки, отец Лилии понял, какая грозит краю беда. Какими уж там усилиями, а взял кусок каменистой земли на реке и на Командорских островах (тоже камни), где лежище морских котиков. И в годы развала строил базы на Командорах и здешней реке. Литой, цельный русский мужик. Не счастье, сколько сил в инфраструктуру ввалил. Бульдозер в лесную глушь притащить, электрогенератор, топливо, материалы. Укрепил речные берега от размыва, поставил тёплые домики, создал условия работникам, путешественникам. На Командорские острова – грузы морем. Поставил и на острове базу, поддержал работой брошенных там людей. Подобный труд на материке мало кому и сейчас подвёмный, а на Камчатке, в 90-е – невероятный. Лилия работала у отца, зарабатывала на жизнь наравне со всеми – “что потопашешь...”. Наладила взаимодействие с Камчатским университетом, придумала ступенчатую систему подбора, студенты в её организации и подрабатывали, и практику проходили, летали проводниками в Долину гейзеров, совершенствовались языки в общении с иностранными путешественниками, получали навыки работы. О планах развития, какие она мне показывала, говорить не буду, не суждено было им состояться. Два олигарха, местный и с материка, затеяли свалить Коваленкова, конкурента убрать. Местный мстил за что-то, материковый – Долиной гейзеров хотел завладеть, мечтал в заповеднике ночь переспать (!) – воздух там для здоровья полезный, в горячих источниках искупаться, и чтобы разрешения у Коваленкова для этого не испрашивать. Долго не давался Коваленков, и ни с какого бока не могли его утопить. Стойкий мужик. Но к 2005 году зашатался, подрубила болезнь, и, предчувствуя конец своей жизни, уступил, продал часть компании олигархам. По злему року в этот кусок входила и база на Командорах. Мистика, совпадение или иное что, а только метался на Командоры в те годы Чубайс, якобы на живых котиков посмотреть, и олигархи, будто нанюхивая его след, вцепились в отстроенную базу на острове. Продавая бизнес, отец условился с покупателями: дочь не тронут и налаженную систему ломать не будут. Обещали. Гроша ломаного не стоят их обещания! Мужиков они обвиняют в пьянстве, некомпетентности и выбрасывают с этим клеймом. К Лилии Анатольевне не придраться, её репутация трудяги и за пределами России известна. Не смогли и с деньгами “подставить”, упёрлась “чёрный нал” им носить. И тогда олигарх

местный прислал “электриков”, поставили в офис прослушку. А Лиля привыкла открыто всё говорить, не скрывала чувств о творимых порядках, на своей земле живёт – в России. Этого не простили хозяева, подслушали и вытурили на улицу. Какие законы? нужда в специалистах? судьбы и жизни людей? Иди, побирайся по своей любимой Камчатке. Вот так они и во всей России хозяйничают. Истребители русского духа, достоинства, национального самосознания. Убийцы народа, нации.

По стечению и муж её в тот год без заработка остался, не допустили чиновники его Компанию на рыбалку. Денег нет, работы нет, трое детей в семье (в отцовской организации все штаты заняты, он людьми дорожил). Лилия выстояла, слова жалобы не произнесла и помощи ни у кого не просила. Вместе с мужем и сотрудниками, ушедшими разом за ней, отремонтировали маленькую избу на городских задворках и, не беря кредитов, не получая зарплат, опираясь лишь на свои силы, возродили работу, продолжили путешествников принимать. Материковый олигарх прознал, что она устояла и с голоду не померла, и мстил-мстил, запретил лётчикам заказы на полёты от неё принимать! А без вертолётки не много по Камчатке наездишь. Слава Богу, пилоты – сильные мужики, не испугались.

Не один раз я работал с ней, предметно знаю организацию её труда и, имея опыт свой, в одной из крупнейших, с полувековой историей зарубежных инвестиционных компаний, могу сказать без прикрас: техничность русского стиля, отточенность, слаженность ни в чём не уступят западному. Это в нашей природе, генетической памяти – драгоценное наследие предков. А по доброжелательности в производственных отношениях русские и превосходят. И не деньги важны Лиле, а само дело и результат исполнения, и чтобы сотрудники могли жить от труда своего! Как дитя радуется, когда ей удаётся хорошей оплатой вознаградить коллектив. И быт семьи её незатейливый, живут в скромности, простоте.

Говоря о наших, помянуть олигархов-захватчиков здесь вроде не к месту, а – надо. После извода Лилии Коваленковой была назначена вместо неё другая женщина, эта все прихоти собственников исполняла, ежедневно скачивала наличность хозяевам, да вскоре провинилась, не всё отдала, себе подворовала. Заменили мужичонкой – многословным, резвым, и он таких финансовых схем понастроил, что Компанию вовсе к банкротству подвёл. Понаделал долгов, обворовал хозяев и в Москву сбежал. У этого наймита воровской опыт от советского времени приобрётён, как он сам хвастал: “В камчатской геологоразведке деньги “пилит”, квартиру на них в столице купил”. Назвать бы имя этого мародёра, если бы исправить положение помогло, а фамилия у него, по словарю Глушко и Медведева, произошла от “крикуна”, “брюзги”, “ведущего нелепые речи”, “надоедливого просителя”, “прилипалы” – соответствие полное! Тоже наследие предков, зарубка на память.

И всё-таки без чудес на нашей земле не обходится. Исполнил желание материковый олигарх, осквернил девственный заповедник – ночевал там, в целебных водах купался. И взбунтовалась земля, потоками грязи, камнями завалило вскоре Долину. Накрыло и деревянные дорожки, вертолётные площадки, домики, какие Лилия Анатольевна, отец её, сотрудники строили. Свершилась Высшая справедливость, – коли военные, милиция, ФСБ не изгоняют захватчиков из наших земель, земля сама из-под их ног уходит, не даёт им пользоваться собой. Камчатка – слепок России. А варварам невдомёк! В 2010-м загорелась земля у них под ногами, страшные пожары полыхнули по всей стране.

Жадность олигархов – патологична. Легенд не надо слагать. Например, так высасывают соки из наших здесь: сделаны бизнес-структуры Б-1 и Б-2. Хозяин обеих компаний один. На балансе Б-1 – материальные ценности, в Б-2 – записаны люди. И сотрудники принудительно берут в аренду имущество Б-1. От офисного помещения и вплоть до ложек и чашек в аренду берут! Без скидок и преференций. И при этом должны покрывать текущие расходы и зарабатывать на оплату труда себе. Как ни убеждал я собственника с расчётами на руках в этой нелепости, а ничего, кроме площадной ругани, не добился. Тогда мы отказались от аренды части имущества, что-то сами из доходов купили, что-то арендовали на стороне, вышло дешевле. За месяца три заработали денег, отладили работу и вроде воспряли. Строили планы, не суждено было планам тем сбыться. Хозяин за всё своё имущество счета выставил! Требовал до копейки отдать заработанное! Мы заупрямились, отказались платить. И тогда он задним числом удвоил арендную плату за гостиницы, вер-

толёты. И те крохи, четыреста пятьдесят тысяч рублей, на какие планировалось несколько наших сотрудникам долгую зиму здесь себя содержать, оплывать расходы по офису – полностью мародёр выгреб! Подыхайте с голоду на своей ненаглядной Камчатке. Вот так они к нашим, ко всем нам в России относятся. А он, долларовый мультимиллионер, копеечку в карман подбавил. И мало, мало пузатому пауку, ещё выдуманные долги сверху навесил, чтоб людей в рабство официально взять. Разбирался с его бухгалтером я, да только и смогла бухгалтерша по поводу очевидного бандитского разбоя выдавить: “Он всё на два умножает, кроме зарплат. Меня заставляет эти счета вам на оплату давать”. ... Хозяин – вчерашний посыльный в торговом порту...

И занятно вот ещё что: если суммировать временные, физические, финансовые затраты, какие олигархат кладёт на интриги, грызню, судебные тяжбы, месть, разрушение, воровство – треть от всего на продуктивное созидание требуется! Не объяснить здравым умом, почему им подобный способ хозяйничанья нравится. Убийцы страны, разрушители Государства. И чего стоит их мзда церкви, больницам, сиротским домам, ветеранам, опрометчиво называемая *благодетельностью*?!

... Обобранные сотрудники уволились из Б-2. – Добросовестные, крепкого душевного здоровья русские люди. Хорошие специалисты. Молча ушли. Кому жаловаться? На кого? Тот местный олигарх-мародёр втёрся в “партию власти”, в областных депутатах числится, с администрацией края, силовиками дружен, у военных моряков в благодетелях ходит. И напарник его – мультимиллионер, сидючи в Швейцарии, отнятие последних крох безоговорочно поддержал: “Он же строительством занимается! Средства на стройку нужны!” – Слепок России. Ужасы олигархического правления здесь до мелочей от материка повторены, и так же поверх угнетения бандитизм наглоён. Об уголовниках вот что коренной камчатец рассказывает: “И в советское время здесь были авторитеты. Были ли они “смотрящими” или просто “суперавторитетные” воры – не знаю, но к ним очень прислушивались. Был Кореш, был Канарис – в 1984 получил 15 лет, и что с ним дальше, не знаю, поскольку ходка была четвертой, и он был “отрицалово”, думаю, просто не вышел, так как в то время издали закон добавлять срок за нарушение режима содержания. Когда приватизация началась и Камчатку открыли, в авторитет вошёл Малик, имел ресторан и пароходы, но этот скорее из прибалтнённых, наехал на русского пацана, и тот на разборке взорвал себя и его в машине гранатой. И сейчас “смотрящий” у нас есть, с ним местные бизнесмены иногда “тёрки в бизнесе трут”. К этим бизнесменам из Москвы бывшие генералы, сотрудники контролирующих органов – записные борцы с преступностью и коррупцией – погостить приезжают!” Побыв здесь подольше, знаниями об уголовниках, не выпрашивая, обогатишься. Молодой парень искал работу, да истосковался, видать, по общению, разговор про атмосферу, в какой живёт, завернул: “Завёл я в 90-е свой маленький бизнес, наехали рэкетеры, отдал им всё. Потом кого-то убили из них, кого посадили, а один до сих пор ко мне домой ходит, требует просто так платить. У меня дочка школа заканчивает, хочет на милиционера учиться, говорит: “Защищать тебя буду”. Я с поступлением ей обязательно помогу, у меня икра есть, бракушей в сезон шкерил, в земле на зиму закопал, как земля оттаёт, выкопаю и продам, за дочкино поступление заплачу, кому надо”.

Зловонной жижей измазана русская жизнь, не одиножды помочишь Георга Вильгельма Стеллера: “Если будет решено улучшить положение... то придётся, прежде всего, обратить сугубое внимание на этих злодеев и насильственными мерами принудить их сменить своё тунеядство на более упорядоченный образ жизни”¹. И другая его невесёлая мысль протянулась через 250 лет к нам: “... и всё же не приходится рассчитывать на то, что это поможет улучшению жизни на Камчатке, пока страной не будет управлять законность в лице исполнителя высочайших повелений”².

... Лилия Анатольевна устояла, гоняет с мужем в зиму на соболей, подрабывают, сдают шкурки, живут по два месяца в заснеженных стылых лесах. И коллектив её сохранён, собственными трудами держится. Но всё же разорение хозяйства оставило след, подрубило. Студенты практику в её новой Компании не проходят, таких возможностей теперь нет, и планов Лилия не

¹ Стеллер Георг Вильгельм. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский. Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 1999, с. 139.

² Там же, с. 140.

строит, и сотрудники стали не так открыты (на материке эта русская черта давно не в чести).

А те два захватчика порассорились, передрались, вцепились в глотки друг другу. Вождеденную коваленковскую организацию развалили, и на Командорских островах базу по брёвнышку, до основания раскатали. И в Б-1 материальные ценности от сырого камчатского воздуха сгнили, здания обветшали, вертолёты распроданы или в аренду на сторону сданы, часть имущества раскрадена управленцем-наймитом — «прилипалой, брюзгой, крикуном». Самопожралось Зло, а не порадуешься, от крупнейшего холдинга шкурка осталась, людской труд тяжелейших пятнадцати пореформенных лет вновь насмарку пошёл.

В 2010 году не в первый раз побывал на Камчатке Премьер, Президент страны был, широкие совещания собирали, чуток попихали местную власть. Развернутся, ожидалось, в дополнение к федеральным Программам, планы камчатской администрации, скрупулёзно, по пунктам неотложные дела перечтут, и будет решено создать в городах и посёлках экологически чистые небольшие предприятия по переработке даров земли, рек, океана — раскрепостить людей, собственным делом занять. Сельское хозяйство обсудят — жизнь в полуостров вдохнут. Исконные промыслы отдадут коренным народам. Зададутся вопросом: жильё в городах и посёлках по современным технологиям реконструировать с внедрением новых видов энергии и подтянуть сюда техническую мысль. Подумают о создании лабораторий — изучать на месте целебные свойства уникальных местных растений, микроорганизмов, морской флоры и фауны. Курортные зоны на термальных водах развить. Библиотеки, музеи всех видов обновить и расширить. Нарастить издание книг о Камчатке, о всём Дальнем Востоке — материк просвещать. А из Москвы, Петербурга и других городов запустить сюда непрерывное движение выставок художественных произведений, качественной литературой насытить. Больше культуры! Храмы в каждом селе! (Утвердили же в образах Петра и Павла памятное имя города на Култучном озере, и новый белоснежный собор Святой Троицы высоко подняли, для военных немало сделали.) И встык подумают с депутатами, как самоуправление полнокровное вырастить, без него же ни одного дела не удастся в Государстве решить. *Общероссийским законом* запретят малые коренные народы спаивать. Срочно начнут наисовременнейший завод по переработке отходов строить. Полностью прекратят какие-либо полезные ископаемые в здешнем краю добывать. Обяжут попавшихся на преступлениях залётных иностранцев отрабатывать грех свой и бежать с российских земель без оглядки. И, совсем не откладывая, дадут команду арестовать счета олигархов, чтобы на эти средства порты к жизни вернуть, и безвозмездно изымут из частной собственности стратегические объекты. Все добытые в наших водах морепродукты — в Россию!

О том говорили или нет, но пробили немногие решения: малую авиацию развивать, какую благодетели-собственники здесь уничтожили, комплекс спортивный строить...

Камчатка — русский Север и русский Юг в её природе причудливо соединены. Для чего-то нас провёл за собой Господь в эти неповторимые земли, вот и следы Его в океане — Курильские острова. На Курилах совсем особое мироощущение. Глыбы неукопной земли, густо поросшие сочной, высокой, ярко-зелёной травой, пышным кедровым стлаником, усыпанным не крупными шишками (вкус орешков нежнее, тоньше сибирских) — и бесконечный вокруг Океан. Всего один день побыл я на Парамушире, Онекотане, а всё же успел ухватить, как пронзительно воспринимается отсюда Россия. На Парамушире жизнь тяжче, чем на Камчатке, но о материке думается с надеждой и теплотой. Здесь наши тоже ничего не просят, не жалуются, но крепче всех, пожалуй, преданы русской земле. Самые сильные на островах живут. На Парамушире, пока оформлялись пограничниками документы, подошёл местный житель, одетый в синенькую заново олимпийку 70-х годов, глаза быстрые, облик внутренним здоровьем дышит. И как хорошо знакомого, с кем только что говорили на известные темы, я спросил его: «Как?» Мужчина мгновенно понял меня и так же кратко ответил: «Никак!»

И правда, чего язык обивать: на рейде два больших русских судна стоят, некогда сверхсовременных, корпуса запакощенные, ржавые — наглядный пример умелой талантливости строительной нации и противоположное, униженное бедствование Родины.